

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 21**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 21 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 284 с.

ISBN 978-5-458-04671-8

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04671-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Къ вопросу о свободѣ воли.

(Изъ неизданнаго сочиненія).

I.

Что бы ни дѣлалъ человѣкъ, онъ поступаетъ такъ, а не иначе, во всѣхъ своихъ сознательныхъ поступкахъ только потому, что онъ или теперь признаетъ, что истина въ томъ, что должно поступать такъ, какъ онъ поступаетъ, или потому, что онъ когда-то прежде призналъ это; теперь же только по инерціи, по привычкѣ поступаетъ такъ, какъ онъ это призналъ должнымъ прежде.

Бѣсть ли человѣкъ или воздерживается отъ пищи, работаетъ или отдыхаетъ, бѣжитъ опасности или подвергается ей,—если онъ сознательный человѣкъ, онъ поступаетъ такъ, какъ поступаетъ, только потому, что считаетъ это должнымъ, разумнымъ,—считаетъ, что истина состоитъ въ томъ, чтобы поступать такъ, а не иначе, или уже давно прежде считалъ это.

Признаніе же или непризнаніе того, что истина состоитъ въ томъ, чтобы поступать такъ, а не иначе, зависитъ не отъ внѣшнихъ, подлежащихъ наблюденію человѣка причинъ, а отъ какихъ-то другихъ причинъ, находящихся въ самомъ человѣкѣ и не подлежащихъ его наблюденію. Такъ что иногда при всѣхъ внѣшнихъ, казалось бы, выгодныхъ условіяхъ для признанія служащей причиной поступковъ

истины, одинъ человѣкъ не признаетъ ея и, напротивъ, другой—при всѣхъ самыхъ невыгодныхъ къ тому условіяхъ, признаетъ ея и поступаетъ сообразно ей.

И потому человѣкъ, чувствуя себя несвободнымъ въ своихъ поступкахъ, всегда чувствуетъ себя независимымъ отъ внѣшнихъ условій, т. е. свободнымъ, въ томъ, что служить причиной его поступковъ — въ признаніи или непризнаніи истины. И чувствуетъ себя свободнымъ не только отъ внѣшнихъ, происходящихъ внѣ его, событій, но даже и отъ своихъ поступковъ.

Такъ человѣкъ, совершивъ поступокъ, противный тому, что онъ признаетъ истиной, остается все-таки свободнымъ въ признаніи или непризнаніи ея, т. е. можетъ считать свой поступокъ хорошимъ, значить, не противнымъ истинѣ, и оправдывать себя въ совершеніи его, — и можетъ, признавая истину, считать свой поступокъ дурнымъ, противнымъ ей, и осуждать себя въ немъ.

Такъ игрокъ или пьяница, не выдержавшій соблазна и подпавшій своей страсти, остается все-таки свободнымъ признавать игру и пьянство—или зломъ, или безразличной забавой.

Точно такъ же человѣкъ, выбѣжавшій изъ горящаго дома, не выдержавъ жара и не спасши своего товарища, остается свободнымъ признать истину о томъ, что человѣкъ съ опасностью своей жизни долженъ служить чужимъ жизнямъ, и считать свой поступокъ дурнымъ и потому осуждать себя за него,—или не признавая эту истину, считать свой поступокъ естественнымъ, необходимымъ и оправдывать себя въ немъ.

Въ первомъ случаѣ—въ томъ, когда онъ признаетъ истину, не смотря на свое отступленіе отъ нея, онъ готовитъ себѣ цѣлый рядъ неизбежно имѣющихъ вытекъ изъ такого признанія, сообразныхъ истинѣ добрыхъ поступковъ; во-второмъ случаѣ, онъ готовитъ себѣ цѣлый рядъ противоположныхъ истинѣ, дурныхъ поступковъ.

Не то, чтобы человѣкъ былъ свободенъ всегда признавать или не признавать всякую истину. Есть истины, давно

уже или признанныя самимъ человѣкомъ или переданныя ему воспитаніемъ, преданіемъ и принятыя имъ на вѣру, слѣдованіе которымъ стало для него привычкой, второй природой: человѣкъ не можетъ не признавать такихъ истинъ и потому несвободенъ по отношенію къ нимъ. Есть еще другія истины, только какъ бы вдалькѣ представляющіяся человѣку и еще не вполне открывшіяся ему; человѣкъ не можетъ по своей волѣ признать ихъ. Въ признаніи тѣхъ и другихъ онъ одинаково несвободенъ: онъ не можетъ не признавать первыхъ и не можетъ еще признавать вторыхъ. Но есть третій родъ истинъ, — такихъ, которыя не стали еще для человѣка безсознательнымъ мотивомъ дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже съ такою ясностью открылись ему, что онъ не можетъ обойти ихъ и неизбежно долженъ такъ или иначе отнестись къ нимъ, признать или не признать ихъ. Въ отношеніи этихъ-то истинъ, и только этихъ истинъ, и проявляется свобода человѣка.

Всякій человѣкъ въ своей жизни находится по отношенію къ различнымъ истинамъ и вообще къ истинѣ въ положеніи путника, идущаго въ темнотѣ при свѣтѣ впереди двигающагося фонаря: онъ не видитъ того, что онъ прошелъ и что закрылось уже темнотой, не видитъ и того, до чего не дошелъ и что еще не освѣщено его фонаремъ; и не властенъ измѣнить своего отношенія ни къ тому, ни къ другому. Но онъ видитъ то, что освѣщено фонаремъ, — на какомъ бы мѣстѣ пути онъ ни стоялъ, — и всегда властенъ выбрать ту или другую сторону дороги, по которой движется. Точно такъ же и для каждого человѣка, двигающагося въ духовной жизни, есть всегда истины уже пережитыя, усвоенныя имъ и составляющія уже часть его сознанія, — есть другія, не открывшіяся еще его умственному взору и только предугадываемыя имъ, — и есть третьи истины, настолько открывшіяся человѣку, что онъ неизбежно долженъ такъ или иначе отнестись къ нимъ: признать или не признать ихъ. И вотъ, въ признаніи или непризнаніи этихъ-то истинъ и проявляется то, что мы сознаемъ, какъ свою свободу.

Вся трудность и кажущаяся неразрѣшимость вопроса о свободѣ человѣка происходитъ отъ того, что люди, рѣшающіе этотъ вопросъ, представляютъ себѣ человѣка неподвижнымъ по отношенію къ истинѣ.

Человѣкъ несомнѣнно несвободенъ, если только допустить что жизнь человѣка и человѣчества не есть постоянное движеніе отъ темноты къ свѣту, отъ низшей степени истины къ высшей,—отъ истины, болѣе смѣшанной съ заблужденіями, къ истинѣ, болѣе освобожденной отъ нихъ, т. е. если представить себѣ человѣка неподвижнымъ.

Человѣкъ былъ бы несвободенъ, еслибъ онъ не зналъ никакой истины, и точно такъ же не былъ бы свободенъ и даже не имѣлъ бы понятія о свободѣ, еслибы вся истина, долженствующая руководить его въ жизни, разъ навсегда во всей чистотѣ своей, безъ примѣси заблужденія, была открыта ему.

Но человѣкъ не неподвиженъ относительно истины: постоянно, по мѣрѣ движенія своего въ жизни, каждый отдѣльный человѣкъ—такъ же, какъ и все человѣчество, все больше и больше освобождаются отъ заблужденій и подчиняются истинѣ. И потому всѣ люди всегда находятся въ троякомъ отношеніи къ истинѣ: однѣ истины такъ уже усвоены ими, что стали безсознательными причинами поступковъ, — другія только начинаютъ открываться имъ, — третьи, хотя и не усвоены еще ими, открыты имъ до такой степени ясности, что они неизбежно такъ или иначе должны отнестись къ нимъ, должны признать или не признать ихъ. И вотъ въ признаніи или непризнаніи этихъ-то истинъ и состоитъ свобода человѣка.

II.

Жизнь человѣческая движется по одному опредѣленному и неизмѣнному закону. И потому она вообще несвободна: всѣ люди неизбежно пойдутъ по единственному пути этого закона. Помимо этого пути не можетъ быть жизни. Но законъ жизни человѣческой представляется людямъ въ видѣ

понежному открывающейся истины, которая можетъ быть признана и не признана ими; и потому по пути закона жизни люди могутъ идти двояко: или сами собой, сознательно и свободно подчиняясь закону жизни, или невольно и безсознательно покоряясь ему. Свобода человѣка въ этомъ выборѣ.

Она не въ томъ, что человѣкъ можетъ, независимо отъ хода жизни и уже существующихъ и вліяющихъ на него причинъ, совершать произвольные поступки, а въ томъ, что онъ можетъ, признавая открывающійся ему въ сознаніи, въ видѣ истины, законъ жизни, исповѣдуя его, сдѣлаться свободнымъ и радостнымъ исполнителемъ дѣла не только своей, но и міровой жизни, и можетъ, не признавая истину, сдѣлаться рабомъ закона жизни и быть насильно и мучительно влекомымъ туда, куда онъ не хочетъ идти.

Такая свобода, въ такихъ узкихъ предѣлахъ, кажется людямъ столь ничтожною, что они не замѣчаютъ ея: одни (детерминисты) считаютъ эту долю свободы столь малою, что вовсе не признаютъ ея; другіе, защитники полной свободы, имѣя въ виду свою воображаемую полную свободу, пренебрегаютъ этой, кажущейся имъ ничтожною, степенью свободы.

Свобода, заключенная между предѣлами истины, ставшей инстинктомъ, второю природою, и истины, не открывшейся еще сознанію человѣка,—свобода, состоящая только въ признаніи извѣстной степени открывающейся истины кажется людямъ несвободою,—тѣмъ болѣе, что хочетъ или не хочетъ человѣкъ признать открывшуюся ему истину, онъ неизбѣжно будетъ принужденъ къ исполненію ея въ жизни.

Лошадь, запряженная вмѣстѣ съ другими въ возъ, не свободна не идти впереди воза, и если она не везетъ, возъ будетъ бить ее по ногамъ, и она пойдетъ туда же, куда пойдетъ возъ, и будетъ невольно везти его. Но, несмотря на эту ограниченную свободу, она свободна везти возъ или быть влекомой имъ.

То же съ человѣкомъ.

Велика ли, не велика ли эта свобода въ сравненіи съ той

фантастической свободой, которую мы бы хотѣли имѣть, свобода эта одна несомнѣнно существуетъ и свобода эта есть свобода. И мало того, что свобода эта есть истинная свобода,—она же есть и истинная жизнь. По ученію Христа, человѣкъ, который видитъ смыслъ жизни въ той области, въ которой она не свободна,—въ области послѣдствій, т.-е. поступковъ, не имѣетъ истинной жизни. Истинную жизнь, по христіанскому ученію, имѣетъ только тотъ, кто перенесъ свою жизнь въ ту область, въ которой она свободна,—въ область причинъ, т.-е. познанія и признанія открывающейся истины, исповѣданія ея и потому неизбѣжно слѣдующаго (какъ возъ за лошадыю)—исполненія ея. /

// Полагая жизнь свою въ дѣлахъ плотскихъ, человѣкъ дѣлаетъ тѣ дѣла, которыя всегда находятся въ зависимости отъ пространственныхъ и временныхъ, внѣ его находящихся, причинъ. Онъ самъ даже ничего не дѣлаетъ; ему только кажется, что дѣлаетъ онъ, но въ дѣйствительности всѣ тѣ дѣла, которыя ему кажется, что онъ дѣлаетъ, творятся черезъ него Высшею силой, и онъ—не творецъ жизни, а рабъ ея; полагая же жизнь свою въ признаніи и исповѣданіи открывающейся ему истины, онъ, соединяясь съ источникомъ всеобщей жизни, совершаетъ дѣла уже не личные, частныя, зависящія отъ условій пространства и времени, но дѣла, не имѣющія иной причины, кромѣ его сознанія, и сами составляющія причину всего остального, имѣющія безконечное, ничѣмъ не ограниченное значеніе. //

Царство Божіе усиліемъ берется и только дѣлающіе усиліе восхищаютъ его, и это-то усиліе, когорымъ берется Царство и которое долженъ и можетъ сдѣлать каждый человѣкъ, состоитъ не въ какихъ-либо внѣшнихъ дѣлахъ, а только въ признаніи и исповѣданіи истины каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ.

Пренебрегая сущностью истинной жизни, состоящей въ признаніи и исповѣданіи истины, и напрягая свои усилія, для улучшенія своей жизни, на внѣшніе поступки, люди подоб-

ны людямъ на пароходѣ, которые для того, чтобы дойти до цѣли, заглушили бы паровикъ, мѣшающій имъ размѣстить гребцовъ, и въ бурю старались бы, вмѣсто того, чтобы идти готовымъ уже паромъ, грести недостающими до воды веслами.

/// Стоить людямъ только понять это: перестать заботиться о дѣлахъ вѣншнихъ и общихъ, въ которыхъ они несвободны, а всю ту энергію, которую они употребляютъ на вѣншнія дѣла, употребить на то, въ чемъ они свободны, — на признаніе и исповѣданіе той истины, которая стоитъ передъ ними, на освобожденіе себя и людей отъ лжи и лицемерія, скрывающихъ истину, — для того, чтобы не только каждый отдѣльный человѣкъ достигъ высшаго доступнаго ему блага, но чтобы осуществилась хоть та первая ступень Царства Божія, къ которой уже готовы люди по своему сознанию.

Левъ Толстой.

Французскій позитивизмъ *).

(Полупозитивисты: Фуллье, Гюйо и Тардъ).

I.

Фуллье (Alfred Fouillée), какъ самый выдающійся представитель полупозитивизма.

Я позволю себѣ начать мою краткую характеристику Фуллье парадоксальнымъ, на манеръ Вольтера, предложениемъ. Еслибы въ настоящее время такого философа, какъ Фуллье, не существовало въ дѣйствительности, то его нужно было бы художественно *изобрѣсти* для того, чтобы людямъ, любящимъ философію и интересующимся ея дальнѣйшимъ развитіемъ, было вполне ясно, что на той почвѣ, на которой она двигалась въ своемъ развитіи въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ, дальнѣйшихъ успѣховъ она сдѣлать уже не можетъ. Современная философія должна выступить на *новую тропу* въ весьма важномъ и существенномъ отношеніи, а именно: *прежде всего* ей нужно освободиться отъ все болѣе и болѣе укореняющагося *предразсудка*, что философія есть что-то другое, а не наука **). Пусть фило-

*) См. Вопросы филос. и психол., 1892—93, кн. 15, 16 и 19. Позитивисты: Огюсть Контъ и Тэнъ.

**) Нельзя сказать, чтобы эта тропа была абсолютно новая, потому что философія иногда и довольно долгое время шла по ней, какъ, напр., въ лицѣ Платона, Аристотеля и нѣкоторыхъ изъ ихъ преемниковъ, иногда же становилась на нее на короткое время въ дѣятельности того или другого философа (напр., Гегеля), но все это было недостаточно обосновано въ принципѣ, а потому и не прочно.

софѣ не поддается льстивымъ голосамъ, утверждающимъ, что философія есть даже *нѣчто высшее*, чѣмъ наука, что она замѣняетъ религію, что она высшая форма поэзіи, единственная основа для морали и т. п. Пусть, не увлекаясь этими голосами, онъ твердо и безъ колебаній стоитъ на одномъ, что *она есть наука*, хотя бы, по трудности своего предмета, и менѣе совершенная, чѣмъ другія, но все-таки она наука и, притомъ, по важности этого предмета, высшая изъ всѣхъ другихъ отраслей *единого* знанія. Отсюда уже само собою разумѣется, что она должна двигаться самостоятельно къ своей научной цѣли, а не идти, ради якобы вящей научности, на буксирѣ другихъ наукъ или *подражать* имъ въ пріемахъ и способахъ пріобрѣтенія и построенія своего содержанія *). Какъ въ эпоху, наприм., „Возрожденія наукъ“ философія поняла, что ей не должно быть „служанкой теологіи“ **), какъ, далѣе, въ 18-мъ вѣкѣ она поняла, что ей невозможно подражать математикѣ,—такъ и теперь ей уже давно бы нужно перестать видѣть въ естествовѣдѣніи образецъ научнаго знанія вообще и увлекаться *титломъ* „положительной науки“, приличествующимъ только для условныхъ наукъ, каковы—математика, физика, химія и т. под.***).

Теперь спрашивается, почему на Фуллье болѣе, чѣмъ на комъ-либо другомъ, можетъ обнаруживаться необходимость для современной философіи въ радикальной перемѣнѣ своего пути и направленія? Отвѣчаю: именно потому, что это вообще наиболѣе выдающійся между современными философами, по соединенію въ немъ многихъ условій для того,

*) Однимъ изъ важныхъ шаговъ для этой радикальной перемѣны направленія было бы ясное сознаніе у философовъ, что дѣленіе нашей познающей дѣятельности на различныя специальности обусловлено не сущностью знанія, а только внѣшними обстоятельствами, напр., ограниченностью силъ у отдѣльныхъ людей, несовершенствомъ общественныхъ формъ жизни и т. под.

**) Къ сожалѣнію, въ то же самое время она начала искать новаго господина и образца для подражанія.

***) Мнѣ случалось встрѣчать въ руководствахъ къ шахматной игрѣ громкое и притязательное названіе: «наука о шахматной игрѣ», и я признаюсь, что этой «наукѣ», по ся полной условности, приличествуетъ титулъ *положительной*, пожалуй, еще въ *высшей* степени, чѣмъ физикѣ, химіи и астрономіи.

чтобы сказать *новое слово* въ области философской дѣятельности. По своей талантливости онъ если не выше, то во всякомъ случаѣ не ниже Тэна или кого-либо другого изъ современниковъ; то же можетъ быть сказано и относительно его общей и специально-философской эрудиціи. По тщательной же подготовкѣ къ производительной работѣ въ философіи онъ превосходитъ своихъ современныхъ соотечественниковъ. Точно также едва ли кто превосходитъ его и въ энергіи, съ которой онъ началъ и продолжаетъ свою философскую *миссію*, возникшую изъ убѣжденія въ неудовлетворительности господствующихъ въ настоящее время системъ матеріализма, спиритуализма и даже позитивизма,—убѣжденія, основаннаго на проникательной критикѣ, которой онъ неумолимо подвергалъ ихъ. Изъ этого убѣжденія, конечно, возникло горячее желаніе замѣнить неудовлетворительное собственной работой, а чтобы избѣжать при ней какихъ бы то ни было односторонностей, Фуллѣ избралъ особое *предохранительное средство*, состоящее въ „методѣ *соглашенія*“ прежнихъ философскихъ доктринъ. Но, несмотря на его талантъ, эрудицію, тщательную подготовку къ труду и энергію въ его выполненіи, все-таки предпріятіе Фуллѣ я не могу счесть удавшимся, главнымъ образомъ, потому, что и онъ не отрѣшился вполнѣ отъ старой почвы. Отсюда его преобразование философіи неизбежно оказывается палліативомъ: главная задача, стоявшая передъ нимъ, заключалась не въ соглашеніи старыхъ доктринъ, а въ открытіи новыхъ принциповъ, или точекъ зрѣнія, съ которыхъ бы можно было, съ одной стороны, яснѣе понять прежнее, а съ другой—вѣрнѣе предвидѣть дальнѣйшее движеніе философіи.

Все сейчасъ сказанное я надѣюсь *пояснить*, во-первыхъ, указаніемъ на важнѣйшія сочиненія Фуллѣ, которыя представляютъ какъ бы *этапы* въ выработкѣ его философской системы, и во-вторыхъ, краткимъ анализомъ основного понятія этой системы, а именно „идей-силъ“ *).

*) Разумѣется, по недостатку времени и мѣста, я не могу войти въ какія-